

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

[обзор зарубежных материалов]

А. А. ГОРБОВСКИЙ

Последнее десятилетие общественное сознание все чаще обращается к проблеме этических норм в профессиональной деятельности. Ученые стремятся выработать положения и кодексы, которые регламентировали бы функционирование науки с точки зрения нравственных норм. Подобные кодексы уже разработаны или разрабатываются для психологов, генетиков, ученых, занятых медицинскими исследованиями и др. В то же время создаются и обсуждаются проекты разного рода общенаучных этических регламентаций.

Первым толчком, побудившим научную и общественную мысль Запада к раздумьям о целесообразности контроля и регламентации науки, было открытие ядерной энергии и использование ее в военных целях. Особенно обострилось это чувство ответственности во время войны во Вьетнаме, когда массовое движение ученых против участия в военных исследованиях со всей остротой поставило вопрос о личной причастности каждого к происходящему. По словам одного из авторов, «наука, открывающая средства существования, стала одновременно и наукой для производства средств доминирования, подавления и насилия»¹.

Последние годы объектами тревоги стали также генная инженерия и медицина, экология, социальные и поведенческие науки. В то же время встает проблема: в каких случаях такие ограничения оправданы, а в каких они могут принести лишь вред как науке, так и обществу; кто призван принимать подобные решения и исходя из каких критериев может делаться это и т. д.

За последние годы ученые и сама наука нередко подвергаются критике за некоторые социальные и экономические последствия, к которым ведет применение научных открытий. В числе таких негативных последствий называют гонку производства оружия массового уничтожения, рост социального неравенства, экономический кризис, нарушение прав человека, возрастание экономического разрыва между развивающимися и экономически развитыми странами и т. д.

Позиция безучастности к этическому выбору в науке подвергается критике со стороны научной общественности и широкой публики. Если ученый допускает возможность вредного или сомнительного использования своих открытий он обязан отказаться от исследовательской работы в этой области². Один из участников 22-й Пагуошской встречи ученых формулирует это положение следующим образом: «...Ученый ответственен перед всем человечеством, не только индивидуально за те действия, которые он предпринимает, как ученый, но и коллективно — за применение результатов науки в каждой стране и во всем мире»³.

¹ 22nd Pugwash symposium «Science and ethics». — Encyclopaedia mod., Zagreb, 1975, g. 10, N 30/1, s. 18—53.

² Science between culture and counter — culture. By Dessaur C. I., Naess A., Reimer E., et al. — Nijmegen: Dekker & van de Vegt, 1975, 9, (108), p. 28.

³ 22nd Pugwash symposium «Science and ethics»..., s. 53.

Этой констатации противостоит, однако, точка зрения, согласно которой последствия развития науки превышают возможности индивида контролировать их⁴. Кроме того, исследователь может быть ответственен лишь в отношении предвидимых последствий своей деятельности⁵. Но в какой мере эти последствия предвидимы вообще? Известный английский психиатр Г. Айзенк справедливо отмечает, что даже Эйнштейн и Резерфорд не предвидели в свое время, что их работы, в конечном счете, приведут к созданию атомной бомбы. Поэтому, разумное само по себе требование, чтобы ученые отказывались от исследований, которые могут быть использованы для негуманных целей, на практике трудно осуществимо: отдаленные, а иногда даже ближайшие возможности применения открытия часто неизвестны самому ученому⁶. Выступая с научной публикацией, исследователь теряет контроль над тем, с какой целью может она быть использована; воздержавшись от публикации, он наносит вред науке, сужая фронт научных работ⁷.

Неопределенность последствий использования научного открытия порождает и неопределенность оценки самой ситуации этического выбора. Она усиливается отсутствием единых критериев, руководствуясь которыми ученый мог бы делать выбор. Существует несколько взаимопроверчивых систем такого отсчета.

Принцип предпочтения целям науки или «этика знания» предполагает объективную ценность научного знания самого по себе⁸. Однако, на практике, следование этому принципу оказывается невозможным в силу структурализации самой науки, деления ученых на группы и школы, преследующие свои цели. Верность этим группам или школам может оказаться для ученого важнее поиска истины. По словам одного из исследователей, «непосредственная экспериментальная проверка гипотезы часто имеет меньшее значение, чем ее соответствие общетеоретическому построению или наиболее престижным теориям соответствующей отрасли науки»⁹. Следовательно, даже ориентирующийся на цели науки ученый оказывается вынужденным делать выбор — стремиться ли к объективной научной истине или к тому, чтобы его концепция соответствовала господствующим в науке представлениям. Некоторые исследователи к этим двум не всегда совпадающим эталонам ориентации добавляют еще и третий, лежащий во вненаучном сообществе — массовое сознание, его готовность принять или отвергнуть идеи, с которыми выступает ученый¹⁰.

Тем самым стремясь следовать ценностям и целям науки, ученый практически оказывается лишенным единого критерия такого выбора.

Ориентация на вненаучные институты и их цели порождает еще большую множественность противоречивых критериев. Наиболее общая из таких ориентаций исходит из того, что ученый не может жить «ради одного лишь процесса науки» и предполагает служение обществу как некоему расчленимому, единому целому¹¹. Демократизированный вариант этой этической ориентации находит выражение в лозунге «наука для народа»¹². Однако на практике механизмы бюрократического и со-

⁴ The social responsibility of the scientist. (Klaw S., Schwartz Ch., Camberlain O. et al.) Ed. by Brown M.— N. Y., Free press, 1971.— XI (282 p.— Bibliogr.: 273—282), p. 39.

⁵ Ibid., p. 9.

⁶ Science between culture and counter — culture..., p. 70.

⁷ Issues in evaluating behaviour modification: Proc. of the 1st Drake conf. on professional issues in behaviour analysis. March 1974/Ed. a introd. by Wood W. S.— Champaign (Ill.): Research press, 1975.— XVII, (264 p. библиогр. в конце отд. статей), p. 262—263.

⁸ Ibid., p. 92.

⁹ Ibid., p. 86.

¹⁰ Ibid., p. 87.

¹¹ Shils E. The academic ethos under strain.— Minerva, L., 1975, vol. 13, N 1, (p. 1—37), p. 35.

¹² The social responsibility of the scientist..., p. 34.

циального воздействия как и система ассигнований на науку в значительной мере определяют ее политическую «ангажированность».

Столь же внутренне противоречивы другие критерии внеаучной ориентации. Так, если ученый принимает в качестве этического эталона следование национальным целям, эта позиция вступает в противоречие с общечеловеческим, наднациональным характером науки. Национально-ориентированным научным исследованиям противостоит универсальный принцип, считающий гуманными только такие действия, которые «максимализируют возможности выживания для всех, а не выживания одних за счет других»¹³.

Принцип соотношения «затрат» и «выгод» применяется, в частности, когда ученый стоит перед выбором проводить данное исследование (эксперимент) или отказаться от этого. Суть этого подхода заключается в том, что делается попытка взвесить с одной стороны возможные позитивные результаты исследования (эксперимента), а с другой — ущерб, который может быть нанесен лицу, участвовавшему в нем, либо этическим ценностям¹⁴. Принять положительное решение о проведении исследования возможно, если есть согласие лица, выступающего его объектом, и при условии, если «риск в отношении индивида перевешивает возможная польза для него или важность знания, которое предполагается получить»¹⁵.

Многие исследователи подвергают этот подход сомнению. Прежде всего, невозможно заранее узнать, покрывают ли практические выгоды те этические потери, которые последуют, если предпринять данный эксперимент или действие? Пример: развитие генной инженерии способно привести к предупреждению и лечению наследственных заболеваний. Однако работы в этой области могут привести и к созданию новых видов биологического оружия, нежелательных мутаций, угрожающих существованию всего человечества. Спрашивается, должны ли продолжаться работы в этой области, принимая во внимание баланс возможного риска и возможного выигрыша?¹⁶

Другой пример этического выбора. При использовании ДДТ в сельском хозяйстве, он попадает в организм человека и животных, что губительно для здоровья. В то же время отказ от ДДТ в условиях, например, Индии приведет к падению производства продовольствия и, следовательно, к голодной смерти многих людей. Какой из альтернатив следует отдать предпочтение?¹⁷

Число ситуаций этического выбора, перед которыми оказывается исследователь, увеличивается с каждым годом. Следует ли развивать атомные электростанции, если это может привести к росту раковых и генетических заболеваний? Должно ли применять лекарство, которое спасает людей сегодня, но, возможно, скажется отрицательно на здоровье последующих поколений? В тех случаях, когда ответ на этот вопрос зависит от ученого, он принимает на себя большую ответственность.

Поскольку «затраты» и «выгоды» интерпретируются в ценностных понятиях, некоторые исследователи задаются вопросом, можно ли этические категории считать научно обоснованными или их следует рас-

¹³ 22nd Pugwash symposium «Science and ethics»..., s. 32.

¹⁴ Human rights and psychological research. A debate on psychology and ethics. Based on the Loyola symposium on psychology and ethics, May 2, 1973/Ed. by Kennedy E.—N. Y., Crowell, 1975.—XV, 144 p.—Ind.: p. 143—144; p. 51.—библиогр. в конце глав.

¹⁵ Issues in evaluating behavior modification..., p. 239.

¹⁶ Falek A. Ethical issues in human behaviour genetics; In: Developmental human behaviour genetics, Lexington (Mass.), ets. 1975, p. 179—195; Bennett W., Gurin I. Science that frightens scientists.—Atlantic, Boston, 1977, vol. 239, N 2, p. 43—62.

¹⁷ Sinha U., Iohri B. M. Social responsibility of biologists.—Science and culture, Calcutta, 1974, vol. 40, N 6, p. 213—216.

смагивать лишь как проявление личных эмоций? Высказывается сомнение, что человек вообще способен осознать собственную «выгоду». «...Не следует постулировать, — пишет научный сотрудник Калифорнийского университета (США) М. Б. Смит, — будто люди естественным образом предрасположены к тому, чтобы всегда знать, в чем заключается их собственное благо и к тому, чтобы поступать, исходя из этого...»¹⁸.

В силу неопределенности понятий, некоторые исследователи выступают против самого подхода, предполагающего соотнесение «затрат» и «выгод». По их мнению, это способствует «легализации такого положения, когда исследователь верит, что ему ничего не остается, как сделать выбор между двумя равно заслуживающими порицания преступными альтернативами»¹⁹.

Таким образом, критерии этического выбора в науке нельзя считать достаточно надежными. В то же время роль науки, воздействие науки на современное общество возрастают. В этих условиях все более актуальным становится вопрос о социальной и нравственной ответственности ученого.

Проблема контроля над исследованиями в области генной инженерии возникла в связи с тем, что последствия такого рода деятельности могут принести большие блага, но в то же время стать причиной огромных бедствий для человечества.

Наиболее перспективны возможности практического применения генной инженерии в сельском хозяйстве, в частности, в области выведения новых пород животных с заданными свойствами. По мнению ряда американских биологов, решение продовольственной проблемы человечества может быть найдено исследованиями, которые, возможно, уже сегодня ведутся в биологических лабораториях.

Но наиболее далеко идущие последствия развития генной инженерии — это ее воздействие на самого человека. Открытия в этой области позволяют надеяться, что лечение наследственных заболеваний — дело ближайшего будущего²⁰. Сама возможность включения в геном новых, не свойственных ему генов, означает, что человечество будет в состоянии перестроить собственный генотип в любом желательном направлении. Правда, сама подобная перспектива уже сегодня вызывает у ученых сомнения практического и этического планов. Исходя из каких критериев будет человек осуществлять это вмешательство? Не будет ли тем самым положено начало процессу, последствия которого — непредсказуемы? Ибо возможность управлять своей собственной биологической эволюцией, представляется некоторым исследователям весьма тревожной. Они вспоминают в этой связи мрачные антиутопии Орвелла, говорят о призраке новой Хиросимы²¹.

Генная инженерия дает и другие поводы для тревоги: в экспериментах с рекомбинантными формами ДНК легко могут быть получены организмы (например, бактерии), представляющие большую опасность и способные вызвать эпидемии. Наиболее тревожным является невозможность определить заранее, какими именно свойствами будет обладать этот новообразованный организм (бактерия). Возможность вызывать мутационные изменения в микроорганизмах может привести к возникновению заболеваний, против которых человеческий организм не имеет иммунитета.

¹⁸ Smith M. B. Psychology and ethics.— In: Human rights and psychological research. N. Y., 1975, (p. 1—22), p. 7.

¹⁹ Human rights and psychological research..., p. 51.

²⁰ Sinha U., Iohri B. M. Social responsibility of biologists..., p. 213.

²¹ Crobstein C. Recombinant DNA research: beyond the NIH guidelines.— Science, Wash., 1976, Dec. 10, vol. 194, N 9270 (p. 1133—1135), p. 1133.

В 1974 г. группа ведущих биологов обратилась к своим коллегам с призывом воздержаться от проведения генных экспериментов, связанных с очевидным риском.

Призыв ученых к временной приостановке определенных направлений научных исследований вызвал большую тревогу у общественности.

Ряд крупных биологов выступил против проведения исследований с рекомбинантными формами ДНК. Руководитель биологического факультета Калифорнийского технологического института (США) Р. Синшаймер заявил, что поскольку последствия опытов, связанных с обменом генов между бактериями и высшими организмами, непредсказуем, эксперименты эти представляют опасность для человечества²².

Другие ученые высказывались лишь за ограничения таких исследований и контроль над ними. На страницах научных и массовых изданий стали появляться требования разработать законодательные меры, которые регламентировали бы исследования в области генной инженерии.

Угроза ограничения свободы научных исследований заставила многих видных ученых—биологов включиться в борьбу против принятия законопроектов.

Определенные ограничения и контроль над проведением таких исследований были осуществлены, не дожидаясь принятия соответствующих законов. Решением муниципалитета был наложен мораторий на подобные исследования в Массачусетском университете сроком на семь месяцев. Национальный Институт Здоровья США разработал инструкцию, предусматривающую 4 уровня требований к безопасности проведения экспериментов. В соответствии с этими рекомендациями было начато и в настоящее время завершается строительство исследовательского центра в Форт—Детрике стоимостью в 3 млн долларов. Столь высокая стоимость связана с установкой дорогостоящей аппаратуры, обеспечивающей безопасность экспериментов.

Как считают многие ученые речь идет «в конечном счете не о том, можно ли удерживать бактерии в специальных лабораториях, чтобы они не вырывались оттуда, а о том, чтобы удерживать ученых в определенных границах в обычном обществе»²³.

Аналогичная этическая проблема—должно ли ограничивать развитие знания—возникла и в **социальных науках**. Информация о самых различных сторонах жизни граждан все шире используется как для принятия политических решений, так и для манипулирования общественным мнением. Этот факт вызывает все большую тревогу общественности. Усиливается стремление к установлению норм, которые ограничивали бы право распоряжаться конфиденциальной информацией, затрагивающей частную жизнь граждан²⁴.

Дебаты по этой проблеме побудили, в частности, норвежское правительство создать специальный Комитет. Согласно рекомендациям Комитета, впредь для создания банка личных данных с использованием ЭВМ необходимо специальное разрешение короля.

Высказывается, однако, опасение, что подобный контроль может превратиться во всевластную цензуру, курирующую социальные науки и положения закона, призванные служить защите личности, превратятся в механизм, защищающий бюрократию²⁵.

С подобной же ситуацией столкнулись американские исследователи: с одной стороны все более настоятельные требования соблюдения прин-

²² Bennett W., Gurin J. Science that frightens scientists.—Atlantic, Boston, 1977, vol. 239, N 2, (p. 43—62) p. 58.

²³ Ibid., p. 621.

²⁴ Øeyn Ø. Social research and protection of privacy: a review of the Norwegian development.—Acta sociol., Copenhagen, 1976, vol. 19, N 3, p. 249—262.

²⁵ Ibid.

ципа конфиденциальности информации, и с другой — все сильнее давление, оказываемое различными ведомствами, требующими свободного доступа к этой информации. Пытаясь найти выход из противоречивой ситуации, Американская Медицинская Ассоциация разработала положения, согласно которым доверительная информация может быть разрешена без согласия пациента по требованию закона, только когда это признано необходимым для общественного блага и если это нужно ради блага самого пациента²⁶. Иными словами признано возможным нарушать конфиденциальность информации не только без согласия, но даже без ведома самого пациента.

Этический кодекс Американской психологической ассоциации не утверждает, что конфиденциальные данные никогда и ни при каких условиях не могут стать достоянием третьих лиц или заинтересованных организаций. Тем самым фактически предусматривается возможность того, что конфиденциальная информация может быть передана другим лицам.

В отличие от медицинских изысканий, где конфиденциальность информации предполагается хотя бы существующей традицией, социальные исследования лишены подобной защиты. С другой стороны, введение регламентаций и ограничений, как считают сами ученые, в значительной мере затрудняет проведение социальных исследований.

К сфере этической ответственности социологов относится и основная проблема — социальные цели и сама направленность деятельности ученого.

Критическое отношение социальных исследователей к существующей социальной реальности находит выражение в осуждении целей, которые ставят перед ними нанимающие их организации — как правительственные, так и частные²⁷.

Политическую заданность социальных наук подчеркивают и представители контркультуры. По их словам, социальные науки — это инструмент, который «позволит правительству лучше понимать, предвидеть и направлять социальные события»²⁸. По мнению некоторых социальных исследователей, развитие в этом направлении было бы «крайне нежелательно», принимая во внимание характер существующей государственной власти. Нужно, чтобы не правительства, а массы научились лучше понимать и направлять события, т. е. управлять, а не быть манипулируемыми²⁹.

Ограничения в поведенческих науках — еще одна сфера этических противоречий развития современной науки и общества.

Насколько правомерно вообще вмешательство в психическую деятельность и поведение человека? Руководствуясь какими целями специалисты имеют моральное право осуществлять такое вмешательство? Среди зарубежных ученых нет единства мнений по этим вопросам. Некоторые считают, что контроль над человеческим поведением неизбежен и будет продолжаться до тех пор, пока существуют различные группы (правильнее было бы говорить антагонистические классы. — *Авт.*). Другие исследователи, признавая неизбежность поведенческого контроля, подчеркивают, что решение проблемы зависит от следующего вопроса: «Кто будет объектом контроля? Кто будет осуществлять контроль? Какого типа контроль? И самое главное, с какой целью или наме-

²⁶ Veatch R. M. Ethical principles in medical experimentation. — In: Ethical and legal issues of social experimentation. Wash., 1975, (p. 21—78) p. 36.

²⁷ In: McRae D. The social function of social science. New Haven — London, 1976, p. 249.

²⁸ Science between culture and counterculture..., p. 31.

²⁹ Ibid.

рением, или согласно каким ценностям будет осуществляться этот контроль?»³⁰.

Психологи — практики, работающие в школьной системе, в госпиталях, армии, в бизнесе или в тюремной системе, часто встречаются со сложными этическими проблемами. «Этические трудности, — пишет М. Б. Смит, — с которыми сталкивается прикладная психология, неразрывно связаны с неравенством и несправедливостью в обществе.

Этические проблемы, проистекающие из причастности психологов к существующим социальным институтам, разрешимы в той мере, в которой они, как граждане, могут участвовать вместе с другими в уменьшении неравенства и исправлении несправедливости»³¹. Правда, ряд американских исследователей, смотря весьма скептически на возможность защиты рядового гражданина от психологического манипулирования. Какие бы нормы ни были разработаны, господствующие группы пустят в ход все свое влияние, чтобы оградить собственные интересы в ущерб основным правам менее привилегированных слоев населения³².

Контроль над поведением должен служить интересам всего общества, его целью должно быть, по словам научного сотрудника Западно-Вирджинского университета (США) Дж. Крафла «достижение социального блага с наименьшими затратами» или, как это формулирует другой исследователь, целью поведенческого контроля должно быть «максимальное развитие благосостояния и ценностей»³³. И в том, и в другом случае неизбежно встает вопрос, что следует понимать под понятием «социальное благо» или «развитие благосостояния и ценностей». Дж. Крафл считает, что основной вопрос поведенческих наук — это этическая цель, стоящая перед ученым³⁴. Чьим интересам служит его деятельность — интересам ли индивида, выступающего в качестве его пациента, интересам ли его родных, организации, оплачивающей его лечение, или общества в целом? Интересы эти могут приходить в противоречие друг с другом. Этичность действий в отношении данного индивида или группы оборачивается неэтичностью по отношению к другим индивидам и группам. Взвесить плюсы и минусы воздействия на поведение, а тем более последствия этого бывает довольно сложно. Наиболее целесообразно поэтому, считает Крафл, не устанавливать раз и навсегда правила, предписывающие, что считать, а что не считать приемлемым с точки зрения профессиональной этики. Научная сотрудница Национального психиатрического института (США) С. Штольц полагает, что тем, кто делают выбор в этой области и оценивают результаты поведенческого воздействия, «следует исходить из здравого смысла и профессиональных знаний»³⁵. Шаткость такой позиции очевидна.

Научная общественность предлагает ряд мер, могущих предотвратить злоупотребления, возможные в этой области. С. Б. Кар подразделяет эти меры на меры «внутреннего» и «внешнего контроля». К «внутреннему контролю» он относит усилия самого научного сообщества: «взаимоконтроль коллег» как форму наблюдения за «этикой профессионального поведения»³⁶. Что касается «внешнего контроля», то под ним понимается контроль со стороны законодательных органов, прессы и общественности. С. Кар признает, что ни один из предложенных способов не может полностью гарантировать от нарушения этических норм и прав человека.

³⁰ Kar S. B. A model for communication intervention: ethical and scientific dimensions. — *Ethics in a science & medicine*, Oxford etc., 1976, vol. 3, N 3, (p. 149—155), p. 150.

³¹ Smith M. B. *Psychology and ethics...*, p. 14.

³² Kar S. B. A model for..., p. 151.

³³ Kar S. B. A model for..., p. 150.

³⁴ Issues in evaluating behavior modification..., p. 233.

³⁵ Ibid., p. 241.

³⁶ Kar S. B. A model for..., p. 151.

Идея контроля над наукой, исходящего от самой ли науки или от внешних по отношению к ней институтов, в свою очередь порождает ряд проблем как этического, так и научного планов.

1. Как сочетать с таким контролем принцип свободы научной деятельности или «академической свободы»?

2. Если науке должны быть приданы некие этические императивы, то на какие цели должны они быть ориентированы?

Имея в виду опасность злоупотребления, часть западной общественности и некоторые ученые считают, что безопасность человечества требует, чтобы развитие науки в ряде направлений вообще было приостановлено. Как пишет Дэвис, научный сотрудник Гарвардской медицинской школы (США), те, кто выступают с позиций такого запрета, видят аналог этого в ограничениях, уже существующих в практике медицинских и генетических исследований, проводящихся на людях. Они считают, что необходимо разработать систему законодательных положений, которые могли бы оградить общество от опасных занятий, которые несет наука. Наука, комментирует Б. Дэвис, сама породила силы, ныне угрожающие ее собственному развитию, т. е. требующие запретить определенные области знания. Однако, замечает Б. Дэвис, сама концепция понятия опасных знаний довольно неубедительна. С момента открытия огня и режущих инструментов было ясно, что практически любое научное знание может быть использовано как «во имя добра, так и для зла»³⁷. Существует «коренное различие между действиями, несущими опасность, и знаниями, которые могут привести к таким действиям»³⁸.

Как подчеркивает один из исследователей, выступающий против регламентации и запретов в науке, отнюдь не сама наука, а лишь использование ее в бесчеловечных целях угрожает выживанию человечества. «Главными этическими проблемами науки являются проблемы политические: кто будет контролировать достижения науки? Ради каких целей будут они использоваться?»³⁹.

Ограничение свободы научного исследования, считают сциентистски ориентированные ученые, не только этически недопустимо, но и опасно: может так случиться, что решение той или иной из проблем завтрашнего дня окажется невозможным только потому, что сегодня кто-то ограничил кажущееся ему опасным или малоперспективным направление научного исследования. По словам С. Дессора, профессора Католического университета в Неймехене (Нидерланды) растущая во всем мире централизация власти все больше сковывает свободу, без которой наука не может развиваться. Государство и носители экономической власти стремятся (при капитализме.— Авт.) подчинить науку своим узко практическим целям. Если это давление будет продолжаться, наука окажется неспособной выполнять свои основные задачи⁴⁰.

Недооценивая социальную роль современной науки, некоторые считают, что они сами должны выбирать то направление исследований, которое их больше всего интересует. Никакой другой внешний социальный институт, включая и само государство, не вправе навязывать им свой выбор научной тематики. Правда, поскольку наука все больше зависит от внешних ассигнований, академическая свобода, еще провозглашаемая на словах, на деле все больше и больше превращается в иллюзию⁴¹.

³⁷ Davis B. D. The moralistic fallacy.— *Nature*, L., 1978, Mar. 30, vol. 272, N 5652, p. 390.

³⁸ Ibid.

³⁹ Eisenberg L. The social imperatives of medical research.— *Science*, Wash., 1977, Dec. 16, vol. 198, N 4322, p. 1105—1110.

⁴⁰ Science between culture and counter — culture..., p. 22.

⁴¹ Fourez G. Science et pouvoir: vers une nouvelle étiquette des sciences.— *Rev. nouvelle*, Bruxelles, 1976, t. 63, N 3, p. 319—338.

В условиях капитализма, давление, оказываемое на науку государством, ставит перед учеными серьезные этические проблемы, порождая противоречие между ролью ученого и ролью гражданина.

Существует и другая система аргументов, исходящая от ученых, возражающих против ограничений и регламентации науки. Эти аргументы основываются на критике существующих социальных отношений и той роли, которую в системе этих отношений играет наука. Дальнейшие ограничения науки означают лишь еще большее ее подчинение господствующим классам или узким национальным целям.

В числе военных акций, за которые ответственна современная наука, называют испытание новых видов оружия «в полевых условиях» во Вьетнаме, применение там химических дефолиантов, участие ученых в разработке ядерного, биологического и экологического оружия. «Именно ученые, — подчеркивает научный сотрудник Калифорнийского университета (США) д-р М. Лаппе, — создали Америке ее передовую технологию. Но пока они продолжают считать, что их профессиональное положение мешает им судить о политических последствиях своей работы, с точки зрения морали, они обречены оставаться исполнителями на службе прагматиков милитаристов»⁴².

Лауреат Нобелевской премии, профессор Калифорнийского университета (США) О. Чемберлен, признавая зависимость ученых от военно-промышленного комплекса, признает: «Я не знаю, каким образом мы могли бы избежать этого. Очень трудно, если не невозможно, достичь полной независимости при нынешней системе»⁴³.

Ряд ученых подчеркивает, что наука отнюдь не является нейтральной силой по отношению к политической и социальной ситуации. Поддерживая технократию, она «служит скорее интересам предпринимателей чем низкооплачиваемых потребителей»⁴⁴.

Давление на науку со стороны институтов, внешних по отношению к ней, привело уже к одностороннему использованию науки в военных целях и к возрастанию неравенства среди народов мира. Это неравенство развития выразилось в «безоглядном и безудержном росте науки в экономически развитых странах вместо того, чтобы содействовать установлению равенства между различными районами мира»⁴⁵.

Согласно приведенным мнениям, наука на Западе выступает в качестве орудия господствующих политической элиты и военно-промышленного комплекса. Следовательно, открытия в ведущих областях науки могут дать в их руки средство бесконтрольного манипулирования массами. Соответственно, научная общественность требует, как мы видим, введения контроля и ограничения над этими разработками.

Но с другой стороны, сами ученые возражают против введения ограничений и контроля над наукой, аргументируя это тем, что именно эти меры окончательно превратят науку в послушное орудие политической элиты и военно-промышленного комплекса.

Тем самым, существуют две диаметрально противоположные точки зрения — одна, требующая введения регламентации и контроля над наукой, другая, категорически отвергающая это. Обе эти точки зрения исходят от самих же ученых и обе аргументируются одинаково: защита общества от перспектив бесконтрольной власти политиков и военных. Некоторые видят выход в участии ученых в принятии политических решений⁴⁶. Однако эта, далеко не новая, иллюзорная идея технократического толка также не может принести решения проблемы.

⁴² The social responsibility of the scientist..., p. 116.

⁴³ Ibid., p. 47.

⁴⁴ Science between culture and counter — culture..., p. 34.

⁴⁵ Cournand A., Meyer M. The scientist's code. — Minerva, L., 1976, vol. 14, N 1, (p. 79—96) p. 94.

⁴⁶ Fourez G. Science et pouvoir..., p. 326.